

Философы и наука

Краткая реплика к сочинению А.А. Гусейнова

«Философия как утопия для культуры», Вопросы философии. № 1, 11–16 (2009).

См. также: www.intelros.ru/subject/figures/5275-abdusalam-guseynov-filosofiya-kak-utopiya-dlya-kultury.html

Философы нередко ставят себя над наукой. Можно встретить претензии на «философскую санкцию науки» или суждение о том, что «старая утопия, делавшая ставку начастливое преобразование мира через посредство науки и техники, потерпела крах». Такие крайние позиции требуют небольшого комментария.

Наука столь богата содержанием, что превышает возможности обычного человека. В этом заключена как сила науки, так и ограничения на возможности ее использования. Принимая решения за пределами собственных знаний, человек использует чужие рекомендации, и ему важно быть уверенным в их обоснованности, в надежности и компетентности консультанта. Источники доверия часто субъективны: среди них знакомые и близкие люди, те или иные симпатичные авторитеты, кланеры отдаленные и не очень, политики, начальство, реклама, СМИ – перечень открыт. Выбирая советчика субъективно, человек руководствуется личными предпочтениями и привязанностями. Он любит одних писателей и поэтов, безразличен к другим и вовсе не принимает суждения прочих. Человек боится тех и презирует этих, сочувствует третьим и ненавидит четвертых.

Особую ценность имеют объективные, обезличенные суждения – люди часто обращаются к энциклопедиям, справочникам, Интернету. Высоким доверием пользуется наука, так как по опыту известно, что наука многое знает точно, редко заблуждается, а сделав ошибки, исправляет их открыто и без сожаления. Объективные научные суждения обладают исключительной ценностью, однако отличить научные суждения от ненаучных совсем не просто.

Осторожность, если не ум, требует свидетельств компетентности. Вопросы «откуда это известно», «почему так, а не иначе», наконец, «так ли это» – всегда в числе рабочих инструментов при принятии решения. Чрезвычайно важный метод экспертизы – проверка локальной правильности суждений. Научное сочинение использует понятия в соответствии с принятыми в данной области знаний стандартами. Приводимые факты должны быть проверяемы, источники сведений точно указаны, а эксперименты повторяемы. Научный текст обязан не угрожать и не льстить, не обещать и не призывать, не вызывать ни симпатии, ни ненависти. Наука чужда любым формам индоктринации и внушения. Доказательность и объективность – важнейшие атрибуты научных суждений.

Надо помнить, что культура много шире науки. Человеческое первично, а научное вторично. Любкой из нас прежде всего человек и лишь потом и лишь отчасти *homo sapiens*. Людские решения, предпочтения и мнения далеко не всегда научны. Субъективные суждения всегда не научны, хотя могут быть и верными. Ненаучное не значит плохое. Делать людям хорошее можно и должно и за пределами науки. Ограничения науки действуют только внутри нее самой. Однако всегда предосудительно выдавать ненаучное за научное, субъективное за объективное. Обмануть другого – унижить его достоинство, лишить счастья. Именно с этих общих позиций, на мой взгляд, следует подходить к оценке моралистов и философов.

Мировоззренческие и этические сочинения не могут не быть субъективны. Как бы ни были они для нас притягательны и полезны, субъективность выводит их за пределы науки.

Инструкция пользователя не дает сведений о корректности работы программы или физических законов функционирования оборудования. Философия если и содержит истину, то лишь в диспергированном виде субъективных рефлексий. Философия фальсифицируема, но бездоказательна. Философия часто интересна лишь постольку, поскольку она субъективна. Философские сочинения редко обладают необходимыми атрибутами научности. Философия опасна в прямой пропорции к своим хвастливым претензиям на превосходство над наукой. Современные ученые предпочитают суждения Пуанкаре любому постмодернисту. Суждения о науке человека, внесшего объективный вклад в науку, привлекательнее измышлений стороннего наблюдателя с бедным дипломированным и декорированным философом.

Многие философы наших дней с упорством прозелитов распространяют бациллы европоцентризма и ламаркизма, не считаясь с тем, что наука столь же неотъемлемый атрибут жизни человека, как и искусство. Зарубки на костях – артефакты науки не менее достоверные, чем шедевры наскальной живописи. Попытки выводить науку из философии и религии или связывать рождение науки с Бэконом – яркие свидетельства застывшего и замшелого догматизма. Наука не утопия. Истина не требует пафоса. Утопичны попытки поставить пафос «сверхжизненных» конструкций философов над объективными знаниями науки.

«Философ – неудавшийся ученый, преисполненный манией величия», – любил подчеркивать А.Д. Александров. Может быть, это и не так, но хорошо сказано.

Семен Кутателадзе